

Сборник рассказов

«Жизнь человеческая»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александр Фирсов

18+

Александр Фирсов

**Жизнь человеческая.
Сборник рассказов**

«Автор»

2019

Фирсов А. О.

Жизнь человеческая. Сборник рассказов / А. О. Фирсов —
«Автор», 2019

Сборник состоит из трёх рассказов о человеческих жизнях — короткие истории одного дня. Каждая история — отражение устройства людского восприятия, а также влияние этого устройства на судьбу человека. Содержит нецензурную брань.

© Фирсов А. О., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Про Фёдора	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дисклеймер

Данный текст содержит контент, рожденный в лихорадочных метаниях воспалённого разума автора, зачатый в греховном союзе болезненного чувства собственного превосходства, граничащего с трезвым осознанием личностной ничтожности и интроспекции эмпирических закономерностей собственного онтогенеза, обильно сдобренный старой доброй субъективностью, мнительностью, детскими психотравмами и наследственным алкоголизмом, а потому не следует относиться к нему слишком серьезно и принимать на веру все то, что может вам встретиться на его страницах. Помните, автор не ставит задачу навязать вам какую-либо точку зрения, оскорбить ваше мировоззрение или склонить вас к определенным выводам или действиям. Каждый волен думать своей головой. Все персонажи вымышлены, любые совпадения случайны.

Про Фёдора

Мутным взглядом остекленевших уже порядком глаз Фёдор окинул помещение. Складывалось такое впечатление, что он только что очнулся после некоего подобия транса или гипноза, потому как совершенно не помнил, как сюда пришёл и что здесь делал, словно он только что вынырнул из пунцовой темноты забытья. И вот прямо теперь, в эту секунду, по понятным причинам находился в некоторой растерянности.

Через несколько секунд Фёдор узнал комнату – это была кухня его маленькой хрущевки, оставшейся ему от родителей. Это открытие стало словно толчком в его памяти, и через мгновение осознание действительности нагнало его блуждающее внимание, мгновенно окрасив жизнь серыми, свинцовыми красками собственных воспоминаний.

Он вспомнил, что пьёт. Пьёт уже не первый день. Пьёт горько и в одиночку, даже без какой-либо очевидной причины. Помнил только, что, придя однажды с работы, оглянулся по сторонам, посмотрел в окно, затем заглянул себе в душу... и запил. И вот уже который день, а может, и неделю. Время проходило так однообразно, что сложно было даже примерно определить его изменение. Казалось лишь, что за окном всегда были сумерки, что так, кажется, было всегда, сколько он себя помнил. И еще давящее чувство необъяснимой тревоги от близящейся ночи, непроглядной и бесконечной, не сулившей ничего хорошего для Фёдора. Хотя, если поднапрячься, на ум приходили и другие воспоминания. Обрывочные и размытые, как будто ненастоящие, нафантазированные. Там, бывало, чудился залитый солнцем весенний денёк и журчание ручейков меж тающими сугробами, радужные капельки воды, срывающиеся с острия сосулек на крышах низеньких домов, ясное голубое небо и тёплая рука матери, большая настолько, что могла взять в ладонь, казалось, тебя целиком и отгородить от всех неприятностей мира. Но сейчас в это уже не верилось, все реже вспоминалось и все чаще казалось навеванным сном, дурманом. А вот тревожные сумерки за окном казались самыми настоящими и реальными настолько, что Фёдор мог усомниться в чем угодно, но только не в текущем времени суток за окном. Не помогало даже понимание того факта, что сумерки не могут длиться двадцать четыре часа, и что, по определению, должно быть и утро, и день, и ночь. Все равно верилось только тому, что виделось, хоть и виделось всегда только то, во что верится.

Фёдор обнаружил, что сидит за столом и в руках держит совдеповских времен артефакт – заляпанный маслянистыми «шпротными» пальцами огранный стакан. Он заглянул в него. На дне сидела маленькая человеческая фигурка, одетая в бархатный изумрудного цвета шутовской наряд в ромбик. На лице – лакированная театральная маска, скрывающая лицо. Что характерно, видом он не походил на веселого и беззлобного скомороха, а скорее на хитрого и подлого Джокера из колоды карт. Фигурка кривлялась, выдавала коленца и крутилась «колесом» как, собственно, и подобает её образу. Фёдор с подозрением глянул на шута. Человечек заметил пристальный взгляд несвежего господина, обращенный на него, и произнёс, на удивление ясным и проникновенным баритоном:

– Чего, Федя, глаз наморщил? Или я тебе более не товарищ?

Фёдор не ответил. Он пытался вспомнить, какие отношения могут связывать его с этой жуликоватой личностью. Несомненно, он видел его впервые, и в то же время казалось, что он знал его давно, вот только не помнил. Наверное, с ним он и пил все это время. «Ну... хорошо хоть, что не один», – с облегчением пронеслось у него в голове. Дело тут было в том, что Фёдор, равно как и весь остальной народ, считал, что многодневное, остервенелое злоупотребление алкоголем в компании чем-то качественно отличается от того же занятия, только сольного. Понятно было, что за таким нехитрым самообманом скрывалась возможность поддерживать имидж достойного члена общества, если не в глазах этого самого общества, то, по крайней мере, в своих собственных, при этом продолжая равномерное ускорение в лич-

ный ад моральной деградации. Тем не менее в «приличном» обществе по понятным причинам о таком не говорили, а подобных правил строго придерживались, дабы не терять социальные ориентиры. Потому как социальные ориентиры – это наше все. Опять же никто об этом вслух не говорит, но глубоко в душе отлично понимают все, даже те оголтелые нонконформисты, которые с пеной у рта пытаются доказать обратное.

– Федя, ну ты чего? Давай, расскажи мне ещё немного о своей нелёгкой судьбе и злом роке, который осенил тёмном светом всю твою жизнь, а я тебя пожалею, развлеку, и ты мигом забудешь о проблемах, – лживое, фарфоровое лицо шута смотрело на него со дна стакана.

Фёдор наморщился. Говорить с этим существом не хотелось. От одной мысли желудок сводило, и к горлу подступал ком. Отчего-то он сейчас очень ясно понимал, как сомнительно, а если вдуматься, то просто глупо, звучат его уговоры и обещания. Ясно было, что коварный джокер преследует свои, не совсем понятные, но оттого ещё более мерзкие интересы, которые дурно пахли и грозили Фёдору неясными финансовыми и духовными убытками.

Фёдор отвел глаза, а затем быстрым движением перевернул стакан и поставил его на стол доньшком кверху. Шут по-прежнему оставался внутри. Теперь он барабанил маленькими кулачками в белоснежных перчатках по стеклу, что-то кричал, но из-под стекла доносилась лишь глухое бормотание, а через некоторое время он упал на колени, начал хвастаться руками за горло и вскоре очень трагично упал и распластался в неестественной театральной позе.

«Ну и ладно», – облегчённо подумал Фёдор. Еще раз оглянув неподвижно застывшую за толстым зеленоватым стеклом фигурку, он поднял глаза и стал пристально разглядывать комнату так, как будто силился распознать, не обнесли ли его скромное жилище подельники джокера, пока он был в пьяном беспамятстве.

«Не пьяное беспамятство, а пребывание в особом психоэмоциональном состоянии отчуждения собственного сознания, целью которого было стремление с помощью определённых медитативных практик отделить свое внутреннее Я от суеты грешного мира, полного страстей и прочих непотребств», – всплыло в голове у Федора. Это сработала защитная программа мозга, которая заботливо поспешила оградить от неудобоваримой действительности ранимую психику своего хозяина, примерив таким образом собственную самооценку с неопровержимыми фактами и выведя личностный авторитет на уровень, на котором достигалась хрупкая гармония того самого внутреннего Я с враждебной и не продающей ошибок окружающей средой. Мир вокруг может и не спускал Феде никаких ошибок, а вот он сам себе был и судья, и прокурор в одном лице и потому мог позволить самое гуманное к своему самолюбию отношение. В общем, когда психическое равновесие худо-бедно было восстановлено, Фёдор принялся рассматривать окружающий его интерьер.

Кухонная комната грустно улыбалась Феде из минувших, канувших в бездну, дней советского прошлого. Цветочный орнамент на обоях пестрого некогда цвета производства вологодской обоевой фабрики. Сами обои, местами с отклеенными углами и следами тёмных жирных пятен в районе стола, напоминали о далёких и беззаботных днях Фединогo юношества, когда он, будучи студентом инженерного техникума, забежал домой пообедать и, разглядывая узор на стенах, пытался увидеть в их сплетениях линию своей будущей судьбы.

«Надо же... столько лет прошло, а так и не удосужился новые поклеить», – с тоской подумал Федор, и стало ему отчего-то так стыдно за упущенную возможность сделать, казалось бы, такую мелочь, которая могла бы подарить ему, возмись он за это, ощущение того, что живёшь ты достойно и по-людски, не хуже других. И пусть даже это будет таким же самообманом, как и все прочее, чем мы пытаемся оправдать свое бездарное существование, бессмысленно тратя дни своей жизни на обустройство воздушных замков у себя в голове, все равно, в конечном итоге, это лучше, чем сокрушаться по поводу отсутствия даже таких попыток вследствие банальной лени и разгильдяйства, прикрытых «высокими» рассуждениями.

«Иногда все же положительное влияние от новых обоев на кухне гораздо превосходит значение всей словесная суесть, которую оставляет человек после себя», – сформулировал вывод Фёдор. И ещё вдруг вспомнил лозунг со старого советского плаката, однажды увиденного им на фотографии в газете, который отчего-то глубоко врезался ему в память, вероятно, из-за простой, но в то же время очень точной формулировки. Он гласил: «Что мы сами сделаем, то у нас и будет. Так мы и будем жить». В общем-то, это была правда. Иногда просто нужно взять и поклеить новые обои на кухне, нежели пытаться докопаться до какой-нибудь устаревшей истины, похороненной в мутной воде истории, или бесконечно рефлексировать в бесплодных попытках понимания собственного предназначения или какой другой тщеты, популярной у современных людей, на которую они тратят последние психические ресурсы своих душ.

Впрочем, расстраивался Фёдор недолго. «Да чего уж там об обоях говорить, когда такую страну просрали!» – подумал он, махнул рукой и отвернулся. И на удивление ему сразу полегчало. Это была ещё одна любопытная особенность психологии всех Фединых соплеменников. Стоило им претерпеть, как правило, по собственной дурости некоторое фиаско в личном, профессиональном, моральном или, что чаще, финансовом аспекте жизни, то они тут же судорожно начинали искать нечто более страшное и непоправимое обычно планетарного обхвата, на фоне которого их личная промашка выглядела бы пустяковой и как бы меркла и растворялась в водовороте глобальных и мрачных трагедий национального масштаба и желательно являлась бы естественной предтечей их собственной локальной беды. А потому как сознание советских граждан не может вообразить себе ничего более страшного и непоправимого, чем горькая судьба собственного отечества, а также потому, что судьба эта одновременно являлась отражением участи каждого гражданина его населявшего, то, как правило, эта тематика и являлась своеобразным громоотводом для всех негативных эмоциональных проявлений среднестатистического гражданина. История государства и его нынешние реалии были одним из главных столпов, которые поддерживали на себе так называемую русскую экзистенциальную тоску, не имевшую ничего общего, как можно подумать, с упадническими или депрессивными состояниями отечественной духовности. Нет, русский человек, в общем-то, всегда надеялся только на лучшее, на тот самый уникальный во всех отношениях «авось», который и помогал российскому человеку, словно мистический оберег, не терять надежду даже в самых патовых ситуациях.

Русская тоска – это необъяснимая и неосознаваемая скорбь и не по родине, и тем более не по согражданам, и даже не по собственной судьбе, а вообще...о высоком, о кажущемся несовершенстве и несправедливости бытия, о невозможности понять мир вокруг и главное – себя самого, свои желания, меняющиеся каждое следующее мгновение на противоположные, о неизбежности смерти и, что еще важнее, забвения. Не то чтобы кто-нибудь всерьез над этим размышлял или мало-мальски мог внятно сформулировать подобные мысли хотя бы для себя самого, но в душе это было у каждого, горело маленьким тусклым огоньком и обжигало всякий раз, когда человек смотрел на березку в чистом поле, на сгорбленную старушку на паперти или на стратегический ракетный комплекс «Искандер». Тут уж у кого как. Что касается Феи, то размышления о своей стране вызвали у него какое-то мазохистское удовольствие, в котором он, впрочем, не признался бы себе даже под страхом смерти. Всегда после эмоциональных или даже оскорбительных отзывов, будь то в сторону правящей партии или населения страны, он чувствовал едва уловимое удовлетворение, хотя оно и было несколько стыдливое и неприличное. Вероятно, что-то похожее чувствует совсем молодой юнец, послушник, после того как сбежал из уездного прихода, для того чтобы впервые посетить публичный дом. Так или иначе Федя всегда испытывал облегчение после очередного сеанса церемониального жертвоприношения чёрного козла, хоть конечно, оно и оставляло солоноватое послевкусие. Вот и теперь он смирился, таким образом, и с непоклеенными обоями, и с другими упущенными возможностями, беря тем самым взаимы некоторое количество положительной психической энергии

у этого мира, для того чтобы протянуть ещё какое-то время, расплачиваясь им с демонами объективной реальности, чтобы те хоть изредка позволяли ему не чувствовать себя дерьмом.

Отвернувшись от стены с потрёпанными обоями, которые внезапно стали для него проекцией его былой молодости, открывшейся ему таким образом из прошлого, и передавшей недвусмысленный привет в день насущный, Фёдор, чтобы отвлечься от дурных воспоминаний, стал рассматривать остальную часть комнаты. Впрочем, взгляд задержать особо было не на чем. Скромный Федин быт не вызывал интереса даже у него самого. Наконец он сумел-таки выделить среди полумрака кухни небольшой прямоугольный объект, оказавшийся при детальном рассмотрении неважного качества репродукцией картины Пикассо «Девочка на шаре», которой ему расплатился за какое-то одолжение один знакомый карикатурист. Фёдор припомнил, что приятель предлагал ему взять две картины великого художника – второй была «Любительница абсента», но её Фёдор брать не стал, уж слишком эта самая любительница напоминала его самого. Равнодушный к искусству, Федя, в общем-то, первую картину тоже не оценил и лишь неодобрительно крякнул, когда рассматривал и хотел было обменять её на мешок гречневой крупы в ближайшем продуктовом складе, но передумал. А после одной из пьянок все с тем же карикатуристом, разговорившись о предмете, спьяну так проникся настроением, что незамедлительно решил повесить её для общего обозрения на кривой гвоздь, торчавший из стены, на котором висел портативный радиоприемник. Он после недолгих колебаний был снят, а через несколько дней обменен на два мешка молодой картошки. Так, эстетические начала в Фединой душе одержали уверенную победу над пошлыми потребительскими интенциями.

Щурясь и невольно вытягивая шею вперёд, Федор стал рассматривать полотно. Там все казалось было по-прежнему: миниатюрная и хрупкая на вид гимнастка старательно пыталась удержать равновесие на шарообразном снаряде, чуть поодаль от нее на большом кубе сидел довольно крупный мужчина атлетической наружности с такими же грубыми и угловатыми чертами лица и фигуры, как и у ящика, на котором он сидел. Вдруг Фёдор понял, что фигуры на картине словно бы двигаются. Снаряд под девочкой ходил ходуном вправо-влево, а она сама постоянно меняла позу для лучшего баланса, поднимала и опускала руки, наклоняла корпус и то и дело отводила в сторону то одну, то другую ногу. Мужчина сидел почти неподвижно, лишь изредка делая пассы рукой в сторону девочки. Тут Федя догадался, что эти жесты похожи на те, которыми люди обычно сопровождают свою речь и затаив дыхание прислушался. Действительно, герои картины вели неспешную и, видимо, давно начатую беседу.

Сейчас говорил мужчина:

– Вот ты говоришь: люди сильны умом и вроде как, чем больше мы узнаем, тем сильнее становимся. Все вроде так и есть, базара нет, но на деле получается, что все эти яйцеголовые умники – самые жалкие и несчастные люди, и никакой такой силы за ними нет вообще.

– Учёные мужи страдают от своего понимания, дураки же от своего невежества. Умные люди истощены несовершенством мира, прячутся от него в пространстве своего ума и потому не могут жить реальностью. Дураки, овладев миром грубой силой, дуреют, утопая в идиотизме сами и хороня под его толщами последние островки здравого смысла. И те, и другие несчастны. И тем, и другим поэтому мир кажется странным и сложным, где все даётся с трудом, – отвечала девушка на шаре, чеканя слова, при этом даже на секунду не отвлекаясь от своих сложных акробатических манипуляций и не поднимая взгляда в сторону собеседника.

Мужчина в задумчивости закусил губу.

– Не понял... То бишь одни унывают оттого, что лохи по жизни и всю жизнь обречены на высокоинтеллектуальные фрустрации по этому поводу, которые в реальном жизненном пространстве никому не нужны и ничего не стоят, и дом на них не построишь, и бабу на себе не женишь, а другие – оттого, что поняли, хотя и весь мир держат за яйца, есть такие сферы духовной реальности, куда их тупые хари не пустят ни за какие откаты, и вообще где все их контрольные пакеты акций, облигаций с прочими фьючерсами, которыми подперто их самомне-

ние, – вообще говно полное, и за своих пацанов их внезапно там никто не держит, и до них наконец доходит осознание того, что все это время им только казалось, что они сильно верх ушли от тех первых, но на деле, показатели их индексов куда ниже всех остальных на бирже метафизики бытия. И ещё, полагаю, есть большая прослойка среднего класса между ними, положение которых ещё хуже, потому как являются ни рыбой ни мясом и вообще не вхожи в хоть сколько-нибудь серьёзные материальные или духовные круги и всю жизнь обречены быть на подсосе и там, и там. Все верно? – говорил мужчина уверенно, активно сопровождая свои слова сильной и размашистой жестикуляцией.

Девушка улыбнулась.

– Мы такие, какие мы есть. Разные грани на драгоценном камне под названием жизнь, где недостатки одних граней становятся преимуществом для других и наоборот. Хотя некорректно говорить в этом случае о преимуществах и недостатках, потому как это все очень условно, и правильнее говорить лишь о формах и их объективном соотношении, потому как такой бриллиант невозможно оценить или подвергнуть критике. Даже сама постановка такого вопроса абсурдна и лишена всякого смысла. И дело всего лишь в субъективной перцепции граней относительно друг друга, и даже не их самих, а лишь случайных бликов, лучей света, преломленных между ними, которые и есть наше сознание, проходящее сквозь эти грани по правилам открытых физических законов вселенной, – произнесла она спокойно.

Мужчина минуту думал, затем сплюнул и недовольно сказал:

– Ну, предположим, про лучи понятно, но откуда идут провода к этой бабушкиной хрустальной люстре и что является первоисточником? И каким таким образом эти лучи преломляются так, что на выходе получается – Федя пьёт уже четвёртый сутки подряд? – при этих словах мужчина, не оборачиваясь, указал рукой за спину, как раз туда, где сидел притаившийся Федор. Фёдор, услышав свое имя, совсем замер и, казалось, даже перестал дышать. Девушка впервые подняла глаза от пола и посмотрела на Федора своими добрыми и хитроватыми глазами. Федя округлил глаза, но не от страха или удивления, а от стыдливого осознания, что его поймали на подслушивании чужих разговоров. От напряжения он весь пошел красными пятнами, а на носу выступила испарина. Уши его горели нестерпимо, и, чтобы сделать хоть что-то в ответ на взгляд гимнастки, он неуклюже кивнул головой в знак приветствия. Комичности этому действию добавил тот факт, что при кивке у него с носа сорвалась большая капля пота и тотчас улетела куда-то в темноту между ногами. Девушка дружелюбно улыбнулась Феде, а затем перевела взгляд на своего собеседника, посерьезнела и ровным, монотонным голосом, стала говорить.

– Издревле людей интересовал источник всего сущего, смысл существования и конечный итог всего. Они пускались во многие размышления и делали самые разные предположения, смотрели на мир вокруг себя, пытались подметить закономерности, систематизировать и облечь их в понятные, а самое главное – в предсказуемые умом образы и состояния. Попытки эти хоть и были порой интересны и оригинальны, все же находились крайне далеко от истины. Со временем люди поняли: всё, что они придумывают, постепенно устаревает и уже не отвечает тенденциям текущего времени. Новое время приносит новые вопросы, ищет ответы, которые ещё вчера были так убедительны и казались неопровержимыми, а теперь им приходится признавать несостоятельность имеющихся парадигм прошлого. Развиваясь таким образом, понимание человека в какой-то момент либо упиралось в тупик, либо становилось противоречащим само себе и откровенно глупым. Это похоже на то, как если бы женщина в попытках стать всё красивее, будет накладывать на себя косметику слой за слоем до тех пор, пока внезапно не обнаружит, что уже год, как работает клоуном в бродячем цирке. С тех пор как люди стали это замечать, развитие понимания стало иметь циклический характер, оттого что многие начинали думать: именно в прошлом и были уже найдены ответы на все вопросы и устремлялись туда, проходя весь путь заново. В конце концов, наступил полный хаос и всеобщее непонима-

ние. Люди разочаровались в поиске ответов, потому что ни одна концепция, будь она старая или новая, не могла дать полную картину мира, в то же время оставаясь верной по-своему, хоть порой и давала диаметрально противоположные ответы на одни и те же вопросы. Так, многие перестали искать истину и сосредоточились на своей личной текущей жизни и решении мелких бытовых проблем, остальные же костенели в фанатизме уже имеющихся концепций, пытались по возможности залатать или скрыть пробелы их несовершенства, если не для окружающих, то, по крайней мере, для себя самих. В конце концов, это вылилось в масштабную и зачастую кровавую гонку мировоззрений, где каждая группа пыталась доказать превосходство своих идей над чужими. И лишь немногие стали размышлять над тем, почему так происходит. Как получается, что правда и неправда, добро и зло, мудрость и глупость есть буквально повсюду, при этом гармонично сочетаясь друг с другом в каждом суждении, народе или даже в одном, отдельно взятом человеке. Из этого выходило, что такие понятия как добро и зло, например, не были конкурирующими явлениями, а лишь разными сторонами одной медали. И человек в целом только вот представлял собой уже не медаль, а гораздо более сложную структуру вроде кристалла с гранями, который в свою очередь был частью ещё более внушительной структуры такой, как общество. Ну и так далее, вплоть до самых высших обобщающих понятий. И получалось, что истина, как бы банально это ни звучало, действительно является непредвзятой совокупностью всего, то есть действительно вообще всего, а мы, точнее, наш разум, есть лишь свет, который однажды возник от трения времени -пространства о тот самый кристалл истины и статическим электричеством побежал вперёд по его граням путем наименьшего сопротивления, излучая вспышки, которые, отражаясь и преломляясь тем или иным образом о грани истины, создают мысль, субъективное восприятие этой мысли, личность и все остальное, что наполняет наше бытие. Именно таким образом и получается, что Федя пьёт уже четвёртый сутки, так же, как и происходит все остальное в этом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.